

нию альтернативные варианты исторического развития. Утопия, в конечном счете, обретает прогностическую функцию, давая ответы на вопросы, к которым тяготеет индивидуальный и коллективный опыт человека и человечества.

¹ *Латшин И. И.* Философия изобретения и изобретение философии. Введение в историю философии. М., 1999. С. 107.

² Мор сам отмечал преемственность между своей «Утопией» и взглядами на идеальное государство Платона, как и существенное различие между ними, и сжато выразил это в предпосланном «Утопии» стихотворении (*Мор Т.* Утопия. М., Наука. 1978. С. 96).

³ Там же. С. 92.

*М. С. Боброва**

ВЗАИМОСВЯЗЬ НАТУРФИЛОСОФИИ И ЭТИКИ В МАГИЧЕСКОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ ДЖ. БРУНО

Общеизвестно, что Джордано Бруно считал Вселенную бесконечным лоном пространства, в котором обитают бесчисленные миры. Попытаемся указать на философское значение этого естественнонаучного открытия.

Для человека традиционной христианской культуры природный мир был соотнесен с религиозными представлениями. Система координат была ясна без всяких доказательств: на небесах обитал Бог и его ангелы, под землей находился ад, а человек жил в срединном мире. *Мир был местом обитания* человека. Мир был соотнесен с его представлениями и казался человеку уютным

* *Боброва Мария Сергеевна* — магистрант кафедры философии религии и религиоведения философского факультета СПбГУ

домом. Человек был подобен цыпленку, обитающему в мировом яйце. Скорлупа яйца была пределом мира. Не имело никакого смысла интересоваться тем, что находится по ту сторону скорлупы. Все жизненные события были связаны с душой человека, которую можно было спасти или погубить.

Психологическая жизнь человека казалась центром всего сущего. Именно в душе человека происходила битва двух начал: божественного и демонического, небес и ада, «верха» и «низа». Весь мир был озабочен человеком. Всюду человека ждали искушения сатаны и божьи знамения.

Теперь представим, что такой человек вдруг узнает, что миров — бесчисленное множество, Вселенная бесконечна, что внизу — такие же небеса, как и наверху, потому что земля круглая, и сама эта земля, которая казалась ему твердой опорой, оказывается вращающейся вокруг Солнца. Казалось бы, человек потерял дом. И не только дом в физическом смысле, но и всякую нравственную опору и веру. Человека выгнали из уютного яйца мифологических представлений. Кругом простирается чуждое человеку беспредельное, живущее по непонятным законам, которые полностью чужды его душе, буквально — не имеют к ней никакого отношения. Где же тот заботливый Бог-Отец, сотворивший небо и землю? И в чем проявляется отныне его забота?

Джордано Бруно, который проповедовал бесконечную Вселенную, вовсе не считал ее чуждой душе человека и лишенной присутствия Бога. Бесконечность Вселенной Бруно воспринимал как новое Откровение Бога. Если Бог всемогущ, то почему он должен ограничить свою творческую потенцию и сотворить только один мир? Если Бог поистине Бог, то только в бесконечном

лоне пространства и в бесконечном множестве миров он открывает для нас Красоту и Всемогущество, присущие Ему. Бесчисленные миры у Бруно поют хвалу Единству Бога.

Новое Откровение, возвещенное Бруно, есть плод усилий самостоятельного человеческого разума. Оно не пришло свыше, оно доступно только разуму, способному растождествиться с человеческим телом, с местом обитания людей и с собственной субъективной позицией. Лишь очам Абсолютного разума доступна истина о бесконечной Вселенной. Лишь разум, который сжег человеческое в очистительном огне божественного Энтузиазма, способен объять своим взором бесконечную Вселенную. Бруно наконец-то совершил то, о чем мечтали все неоплатоники: освободил разум человека от оков тела и подчинил тело разуму. Как это получилось?

Сознание человека традиционной культуры находилось в плену у тела. Именно исходя из своего тела человек определял где «небеса» и где «ад». Он жил в мире, определенном телом. Он жил внутри мирового тела.

Разум Бруно оказался свободен от тела. Он открыл в теле бесконечное и телесный мир перестал пленять и сковывать мысль. Бруно понял, что пределы ставит сам разум. Природа разума состоит в том, чтобы все определять по отношению к себе. Это и есть творчество, привнесение в мир истины, добра и Красоты, которые имманентны душе человека. Разум человека традиционной культуры творил бессознательно. Однажды создав себе мир и осознав себя его жителем, бессознательный мифологический разум не смог познать себя как творца. Творец-разум находился в полной зависимости от своего собственного творения — мира.

Изучение природы для Бруно было связано с позна-

нием божественного в самом человеке. Бесконечность Вселенной была образом бесконечной человеческой души, которая проходит через очищение огнем знания для того, чтобы стать Богом. Бесконечная Вселенная стала азбукой божественной человеческой души. Вселенная познается Бруно не ради сиюминутной пользы, но и не ради простого расширения границ опыта. Смысл познания Вселенной, т. е. смысл всех естественных наук, заключается в том, чтобы человеческий разум смог постигнуть собственную первичность в отношении всех телесных явлений и достичь такого уровня развития, на котором телесное раскроет ему свои божественные силы. Тогда Разум и Дух Богочеловека овладеют телом, и Богочеловек станет вершить «чудеса», которые есть не больше, чем божественное отношение к вещам природы.

Эта алхимия Бруно не слепая вера, а Бруно отнюдь не похож на того взбалмошного чудотворца, каким его рисует Френсис Йейтс в своей книге «Джордано Бруно и герметическая традиция». У Йейтс полностью отсутствует понимание глубокой диалектики, свойственной философской мысли Бруно. Она чисто внешним образом сопоставляет магические образы, используемые Бруно, с герметической традицией, не обращая внимания на его собственную мысль, ту мысль, которой эти образы связаны у самого Бруно. В итоге Ф. Йейтс делает вывод об «оригинальной версии герметизма» Бруно, никак не раскрывая, в чем состоит эта оригинальность и тем самым выплескивая за борт живую философскую мысль. Поэтому книга Йейтс представляет собой прекрасный исторический справочник, но не философское исследование. Сама Ф. Йейтс, признавая в предисловии, что ее книга — лишь скромная попытка историка обратить внимание философов на герметические корни мнеч-

мотехнических образов у Бруно, в самой книге то и дело панибратски называет Бруно «наш маг», считая его всего лишь «адептом герметизма». Отдавая должное восхитительной эрудиции Ф. Йейтс, следует признать, что многознание в данной работе только затемняет суть дела и отпугивает всякого не-специалиста, кто захотел бы понять философию Бруно на основании данной книги.

Магия, если она существует, то существует именно в мысли. Алхимия Бруно не была простой верой. Приведем в качестве иллюстрации два образа из сочинения Бруно «О героическом Энтузиазме». Это произведение есть описание страстных состояний, благодаря которым низменная человеческая природа становится божественной. Страсть названа героической, так как герой представляет собою посредника между людьми и Богом.

Эмблема первая. В первом символе страсть изображается в виде пламени под бронзовым котлом, из отверстий которого с силой вырывается струя пара. Вода в котле символизирует кипящие слезы Энтузиаста, сам котел символизирует любящее сердце, пламя символизирует страсть, а струя пара — бурные вздохи страданий. (Как похоже на образ «котелка страстей» у Фрейда, не правда ли? Но старания Бруно возвысить свой дух до абсолютного мышления и божественной жизни отнюдь не столь безуспешны, как то описывал Фрейд.)

Бруно превращает химический опыт с нагреванием воды в закрытом котле в метафору душевного состояния. Вода превращается в пар, который требует большего объема, поэтому с силой вырывается из отверстия. Если отверстия нет, то пар стремится разорвать сам котел.

Бруно утверждает, что вздохи Энтузиаста воспаляют воздух. Таким образом, пар, отделяясь от воды и

превращаясь в воздух, способствует горению огня.

В эмблеме присутствует намек на круговорот элементов: вода превращается в воздух, воздух — в огонь, а огонь нагревает воду и способствует ее превращению в воздух.

Пыланья сердца, ширясь на просторе,
На небесах огни свои зажгли, —
Так приношу средь вздохов и рыданий
Огню, воде и воздуху я дани.
Ко мне огонь, и воздух, и вода
Благоволят; лишь у моей богини
Ко мне нет милосердия доньне [1, с. 112]

Таким образом, природа в Энтузиасте стремится превратиться в дух, достичь единства с возлюбленной богиней-истиной. Однако Энтузиаст испытывает сильнейшее психологическое напряжение, выраженное в образе природного процесса. Его душа склоняется к природным образам (воде, воздуху, огню), но страдает от своего родства с ними. Божество остается бесстрастным и не обращает внимания на мольбы и муки природного начала. Божество не нисходит в природу и природа в Энтузиасте терзается, стремясь возвыситься до божества.

Энтузиаст имеет своей субстанцией землю. Он есть материя. Материя «льет из близнецов света, т. е. из очей, обильные слезы, которые текут в море; из груди во вместительный воздух вырывается великое множество вздохов: и пламя его сердца не охлаждается, как малая искра или слабый огонь, не гаснет в дыму и не переходит в другое бытие, но мощно и сильно соединяется с родственной сферой, скорее обогащаясь от нее, чем утрачивая свое» [1, с. 112].

Платон называл глаза родственными свету. Когда

человек мыслит, его глаза светятся. Энтузиаст источает из глаз не свет, родственный огню, но слезы, подобные воде. Однако огонь все же присутствует в Энтузиасте. Пламя Энтузиаста рождается не в мысли, но в сердце. Поэтому вода отчасти изливается из глаз в море, а отчасти, нагреваясь сердечным жаром, превращается в воздух, дружественный огню. Пламя Энтузиаста поэтому не затухает, и активное огненное начало не побеждается пассивным водным началом. *Огонь превращает свою противоположность, воду, в то, что способствует его горению, а не уничтожает его.*

Эмблема раскрашена в четыре разных цвета, и имеет девиз: «Но это испытали три царства». Имеется в виду, что вода, воздух и огонь участвуют в едином процессе самопреобразования Энтузиаста, но земля занимает место подчиненной материи.

Эмблема вторая. На нашлемнике изображена полная луна с девизом: «Я всегда подобна себе и светилу». Луна символизирует собой универсальный человеческий разум. Солнце, освещающее луну, символизирует Бога. Бруно утверждает, что «по отношению к солнцу, освещающему ее, луна всегда одинаково освещена, будучи все время равно обращенной к нему, а солнце всегда подобным образом шлет ей свои лучи» [1, с. 128]. С точки зрения Бога (солнца) универсальный человеческий интеллект (луна) всегда одинаково освещен. Но с точки зрения жителей земли кажется, что луна затемняется и вновь освещается. Виною тому посредничество земли между луной и солнечным светом. Часть лучей вынуждены освещать землю, и в силу этого видимая с земли луна не получает всегда одинаковую долю освещения.

В представлении об универсальном человеческом интеллекте соединены два образа луны. Один из них —

знакомая нам, изменчивая луна; другой — образ неизменной луны, вечно подобной себе и светилу.

Энтузиаст, говоря о подобии своего интеллекта интеллекту универсальному, утверждает, что всегда в равной мере получает от божественного разума одинаковое освещение. Если Энтузиаст смотрит на себя с божественной (солнечной) точки зрения, то его разум совпадает с всеобщим человеческим разумом и всегда в равной мере освещен Богом. Здесь отсутствует посредничество земли, какое-либо отношение к ней. Но если Энтузиаст смотрит на себя с точки зрения обыкновенного человека, то видит себя отнюдь не всегда подобным себе и светилу. Для обычного человека универсальный разум доступен лишь отчасти. Он возвышается над обыденной жизнью, как луна над землей. Энтузиаст утверждает, что луна не возвышается над ним, т. е. что универсальный разум не отчужден от него. Энтузиаст сам есть луна, освещающая тьму человеческого незнания. Он-то знает, что всегда подобен себе и Богу, хотя бы тем, кого он просвещает своим знанием, и казалось, что он изменчив, как луна.

Образ луны есть образ энтелехии Аристотеля, в которой совпадают покой и движение. Но Бруно включает энтелехию-луну в иерархию разумов. Энтелехия-луна занимает последнее место среди божественных разумов. Луна — планета, наиболее близкая земле, т. е. наиболее человеческая форма разума.

Частный разум Энтузиаста всегда подобен разуму универсальному. С одной стороны, универсальный, т. е. всеобщий, человеческий разум подвержен переменам, подобно луне. Но, с другой стороны, эти перемены воспринимаются как покой в постоянном труде универсального человеческого интеллекта. Человеческий ин-

интеллект собственным трудом создает свое неизменное подобие Богу. Постоянно находясь в действии, интеллект «всегда видит свой объект устойчивым, твердым и постоянным, всегда полным и в неизменном сиянии красоты» [1, с.127]. Универсальный человеческий интеллект обретает самоидентичность в непрерывном упражнении, поэтому он всегда подобен себе.

Таким образом, уже на основании этих двух примеров можно заключить, что Бруно использовал данные химии и астрономии в качестве метафор для выражения мысли, восходящей от обыденного сознания к диалектическому постижению первоосновы сущего. Его мысль была облечена в образную форму и ей сопутствовала любовь в платоновском смысле. Очевидно, что простой образ не мог быть идиолом, перед которым поклоняется мысль. Образ у Бруно становится телом мысли с целью последовательного, развернутого изложения экстатического состояния погружения в Абсолют. Образ как бы укрощает горячность страсти, помогая мысли выйти из состояния непосредственного созерцания.

Образ опосредует связь души и Абсолюта весьма несовершенно. Но он фиксирует некий момент связи, который потом толкуется рассудком. Бруно часто указывает на недостаточность образа, на превосходство философского содержания над образной формой. Бруно предлагает читателю нарисовать свою эмблему, если тем самым ему удастся еще точнее намекнуть на ту мысль, которую Бруно имеет в виду.

Натурфилософия Бруно глубоко связана с его этикой. Если человек сам творит себе Вселенную, руководствуясь при этом собственным разумом, то он есть помощник творца Вселенной. Человеческий разум не имеет права насиловать естество или в угоду той или

иной этической доктрине, или для пошлой сиюминутной пользы. Этика имманентна природе. Чтобы человек смог это понять, требуется самосожжение субъективного духа с целью расширения его до абсолютного знания.

Исключительное место, которое человек занял в сущем со времен Джордано Бруно, призывает его быть священнослужителем Вселенной. Вся Вселенная есть бесконечный Храм Божий. В нем возносятся молитвы под музыку сфер бесчисленные одушевленные миры, прославляя величайшее Единство. Миссия человека — обнаруживать божественный дух во всем, что его окружает, прозревать во всех вещах их причастность Богу. Человек призван сообщить естеству божественную красоту.

Вселенная, при всей ее бесконечности, вмещается в каждой человеческой душе. Мы обязаны совершенствовать свою душу, прозревая в ней всю бесконечность Вселенной. Подобно тому, как душа человека должна сосредоточиваться на мысли, покидая заботу о теле, так и Вселенная из чисто физического мира, должна постепенно преобразовываться в мир логического закона. Закон уже существует во Вселенной. В то же время мы сами его прозреваем и своим прозрением как бы приносим его во Вселенную. Сделать физический мир миром нравственным, преобразовать Вселенную в Рай — вот назначение философской магии Джордано Бруно.

Реконструкция логического процесса определения идеи Бога в философии Дж. Бруно

Идея Бога занимает центральное место в философии Бруно. Ее формирование проходит следующие логические стадии:

1. Мысль абстрагируется от данных опыта и вопрошает о первоначале всех вещей. На этой стадии идея

Бога формируется за счет отрицания всех определений вещей, с которыми мысль имела дело до сих пор. Единство Бога возвышается над множественностью данных опыта.

2. Не удовлетворяясь абстрактным определением Бога, мысль погружается в изучение философских и теологических концепций (Энтузиаст идет по следу лесного зверя).

3. Следуя за развертыванием философского содержания, мысль сознает, что она сама становится методом познания.

4. Превратившись в метод познания, мысль начинает овладевать предметом познания, который существует только для философски сформированного мышления (Актеон видит Диану).

5. Происходит снятие субъективной позиции познающего. Поскольку его мышление возвышается до всеобщего первоначала, и мыслит Бога, оно не может считаться только субъективным (Охотник Актеон становится предметом охоты, мысли-псы разрывают его по велению богини).

6. Дальнейшее определение идеи Бога совпадает с самоопределением субъекта познания, утратившего свою субъективность. Человек живет жизнью философа, чья единственная цель — постижение идеи Бога.

7. Жизнь человека становится процессом саморазвертывания логического содержания идеи Бога. Человек и Бог совпадают в процессе познания. Бог в человеке познает и определяет сам себя (Диана охотится на Энтузиаста).

8. Бог познан как единство предмета, метода и субъекта познания. Философское мышление мыслит Бога как конкретное единство противоположностей. Проти-

воположности перестают существовать «по ту сторону» идеи Бога. Единство Бога перестает быть абстрактным. Допуская в себя противоположности, единство разворачивается в множество.

9. Множество, т. е. мир вещей, предстают в значении самораскрытия единства Бога.

10. Происходит снятие внешнего отношения мышления божественной идеи к миру вещей.

11. В определениях вещей мышление видит логический закон их развития, конкретизацию идеи Бога. Поскольку Бог и мир тождественны, то возникает проблема отношения предела и беспредельного.

12. Мир может быть только конечным, определенным. Только конечный мир, в котором множество определено единством, может быть тождественным единому Богу и выражать его. Только в конечном, определенном мире множество не находится по ту сторону единства, а единство — по ту сторону множества. Единство и множество, будучи тождественны, полагают предел.

13. Но божественная способность творить не может быть ограничена. Бог не может быть заперт в границах мира.

14. Таким образом, Бог и мир тождественны, и не тождественны. Мир есть действительность Бога действительное самораскрытие Бога. Бог и мир тождественны. В то же время творческая потенция Бога не удовлетворяется творением одного конечного мира. Бог и мир различаются.

15. Действительность Бога предшествует его возможности. Действительность Бога тождественна определенному конечному миру. Но возможность Бога творить за пределы определения.

16. Вырываясь за пределы определенного мира, по-

тенция не может оказаться в пустоте, лишиться действительности.

17. Поскольку действительность в Боге предшествует возможности, беспредельная потенция Бога определяется в бесконечном числе определенных миров.

18. Человек, мир и Бог мыслятся как единство. Человек становится магом. В его лице душа мира, или Бог в вещах, сознает себя в качестве такового. Он есть актуальное проявление мирового разума. Маг обладает специфической формой контакта с вещами. Он способен наделять вещи божественными силами, изменять естественные связи вещей.

19. Изменяется положение человека в социуме. Он становится центром социальной жизни. Его знание дает ему реальную власть над умами других. Не его личность, взятая обособленно, но сама логика жизни, осознанная им, осуществляет божественное влияние на жизнь, не сознающую себя в качестве божественной. Человек преобразует обыденную жизнь других в божественную жизнь, открывая другим людям то, чем они могут быть в Боге (Маг превращает «металлы» в «золото»).

20. Новое положение в природе и обществе налагает на человека бремя ответственности. Логическое содержание идеи Бога не прояснено до конца, но уже имеется проявление божественной идеи в действительности.

21. Из ученого-философа, доверяющего только логической мысли, человек становится в высшей степени религиозен. Он видит, что логический процесс самоопределения идеи Бога, начавшийся в нем, расширился до социальной и природной жизни. Жизнь человека теряет определение случайности и становится самопроявлением божественного закона.

22. Жизнью человека управляет только закон. Поскольку закон познан лишь в принципе, но не в деталях, человек старается иметь нравственный образ мысли, чтобы божественная жизнь не покинула его и через него было осуществлено наибольшее возможно для всего сущего благо.

23. Человек в своих мыслях и действиях не стремится ни к чему, кроме искренности, простоты и правды. Моральное совершенство человека есть неременное условие вхождения Бога в мир. При корыстно-субъективном образе мысли самоопределение божественной идеи в данном человеке прекратится (Совершается «изгнание торжествующего зверя» и этическая реформа на уровне личности философа и затем в мировом масштабе).

24. Вся жизнь человека превращается в непрерывное богослужение. Цель этой жизни состоит в наиболее полном раскрытии божественной идеи миру.

Таким образом, раскрыто философское, натурфилософское, этическое и магическое содержание идеи Бога в учении Бруно. Раскрыта взаимосвязь различных аспектов проявления божественной идеи.

1. *Бруно Дж.* О героическом энтузиазме. Киев, 1996.